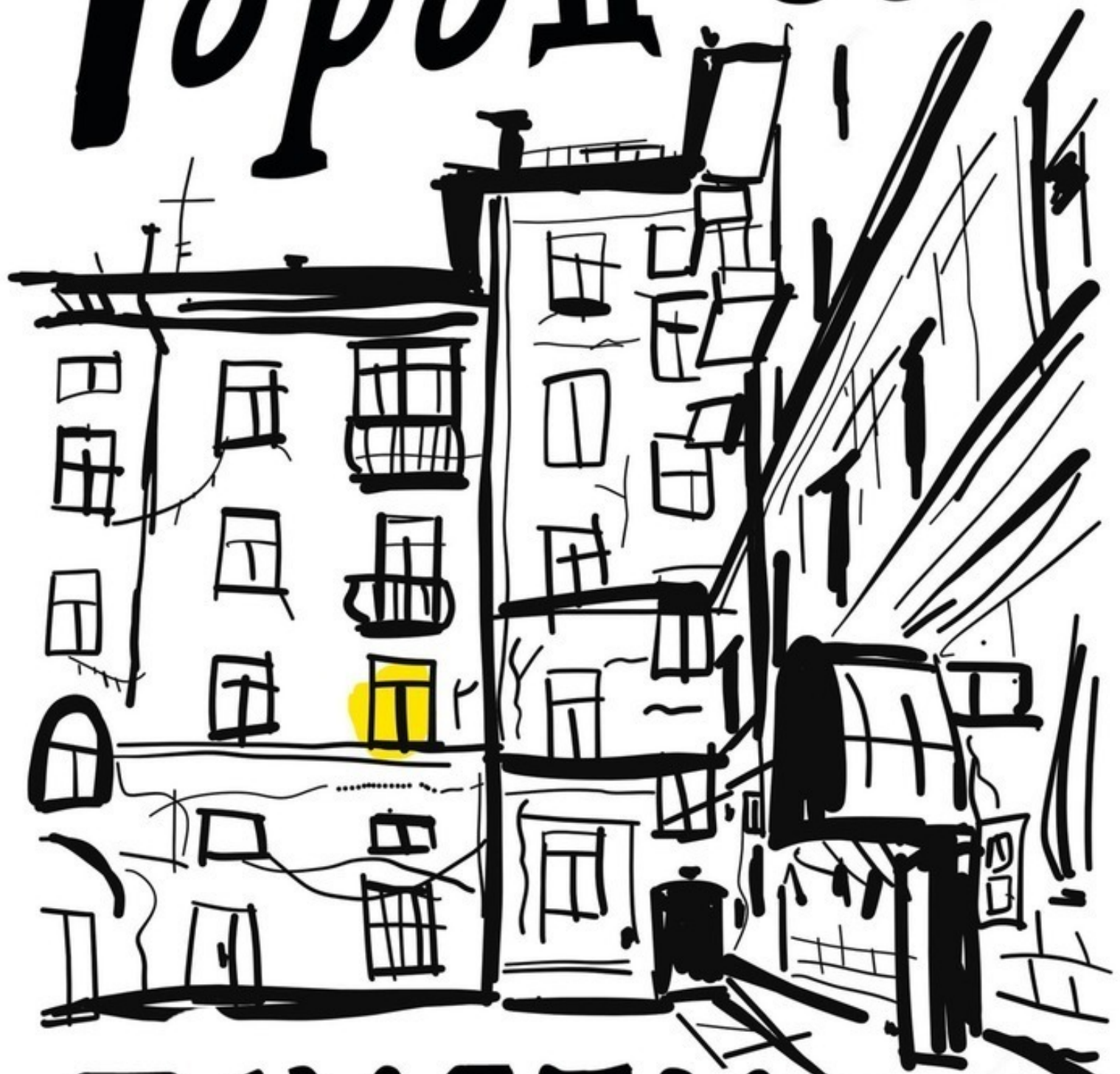

✂ ✂ Егор Авинкин

Город без

ПАМЯТИ

[РАССКАЗЫ]

Егор Авинкин
Город без памяти

«Издательские решения»

Авинкин Е.

Город без памяти / Е. Авинкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962035-4

Петербург населён персонажами, которые проходят сквозь друг друга и сквозь стены, и единственное, что они помнят — это их собственные истории. Добрые и страшные, трогательные и грустные. Новый сборник рассказов Егора Авинкина, автора романа «О мостах и о тех, кто на них обитает», продолжает развивать городскую тему в современной литературе — и Петербург предстаёт в этих рассказах с новой стороны, как для любителей этого города, так и для тех, кому ещё только предстоит ему покориться.

ISBN 978-5-44-962035-4

© Авинкин Е.
© Издательские решения

Содержание

Квартира	6
Канцелярский магазин Монпарнас	10
Бесполезные факты о жевательной резинке	15
В Эссене	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Город без памяти

Егор Авинкин

© Егор Авинкин, 2019

ISBN 978-5-4496-2035-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Квартира

1

Как только я вошёл в эту квартиру, я сразу вспомнил её. Не узнал, а вспомнил – узнать её в этой заставленной старой мебелью, бесформенной и дряхлой квартире, словно бы вырубленной в стене средневекового замка, было невозможно. А вспомнил я, разумеется, не саму квартиру, а то ощущение детского восторга, которое здесь когда-то испытывал. Всё верно, я ведь и бывал здесь чаще всего ребёнком. Какие-то взрослые праздники, то ли свадьбы, то ли поминки, а детвора крутится под ногами и радуется жизни – главный праздник детства. Может, несколько раз заходил сюда, будучи студентом, но эти визиты были мимолётными и никакого восторга не приносили. Восторг был именно в детстве. Восторг до визга, до звона в ушах, до разбитых коленок. Поразительно, как какое-нибудь место может вызывать воспоминания, настолько на первый взгляд несовместимые с его внешним видом – воспоминания счастливые, а квартира тоскливая. И всё-таки где-то, в тёмных ли углах комнат, убранных нежно покачивающейся паутиной, или в складках посеревшей лепнины на потолке, слышатся ещё отголоски детской возни.

И ещё одно забавное ощущение – я уже в том возрасте, где-то посередине между тридцатью и сорока годами, что привык считать себя либо просто «среднего возраста», либо вовсе «немолодым», в зависимости от настроения. В любом случае я приучил себя к мысли, что молодость моя прошла, и что теперь мне со всей ответственностью следует готовиться к старости. Но, войдя в эту квартиру, я понял всю неискренность подобного кокетства. Какая там старость! Здесь любой почувствовал бы себя помолодевшим. В этом затхлом воздухе, среди этих стен, пыльных и как будто разбухших от впитавшегося в них времени, моё сердце начало биться быстрее и жизнелюбивее, как у возбуждённого подростка – из простого чувства противоречия, из простой жажды жизни. И казалось, что моё разгорячённое тело пытается прогреть собой помертвевшие стены вокруг.

Квартира досталась мне в наследство, от далёкой родственницы, которую я, чтобы не вдаваться в нюансы родственных связей, называл просто тётей. Хороший район в центре города, старый фонд, метро совсем рядом. Три комнаты, общая жилая площадь – 66,6 квадратных метров.

Правда, были и минусы. Дом без капремонта, да и само состояние квартиры оставляло желать лучшего: трещины на потолке, отстающие обои, а в ванной и вовсе осыпавшиеся стены – при слишком сильном ударе дверью ванна шептала нежным шорохом сыплющейся в неё штукатурки. А самая главная беда – квартира эта была очень тёмной. Окна выходили в глухой двор-колодец, куда не проникал солнечный свет, и почти что упирались в стену напротив. Рукой до неё, конечно, не достать, но шваброй дотянуться можно. По этой причине квартира в любое время суток была погружена в сумерки. Темнота наполняла квартиру, забивалась в углы и щели, и справиться с ней можно было только резким электрическим светом, который приходилось держать включённым постоянно.

И ещё – здесь было до ужаса тихо. Ни один звук с улицы не пробивался сквозь вековые стены. Эту унылую тишину тоже хотелось разогнать при помощи электрического света, но вряд ли ему это было под силу.

Сам я живу в недавно отстроенном районе – можно сказать, что на окраине, но город разрастается так быстро, что понятие окраины быстро теряет свой смысл. Да и слишком пренебрежительно звучит. Мы с женой живём в светлой и просторной квартире, и она нам нравится. Здесь легко дышится, хотя бы благодаря уверенному ощущению, что весь объём находящегося в ней воздуха принадлежит только тебе.

Обратное чувство я испытал, войдя в эту затхлую квартиру. Здешний воздух тебе не принадлежит, он принадлежит дому. Тебе нужно разрешение, чтобы дышать здесь – постарайся как следует, чтобы его получить.

Короче говоря, квартиру эту я невзлюбил. Чёрт с ними, с восторженными воспоминаниями детства. Сейчас в квартире не было ничего волшебного. Может, и никогда не было. Не могу представить, чтобы мы с женой сюда переехали. Теперь необходимо продать эту квартиру как можно быстрее. Уже март, нужно успеть до лета.

2

В который раз я вхожу уже в эту квартиру? И всё ещё являюсь её хозяином. Формально, согласно документам. На деле мне уже начинает казаться, что квартира эта вряд ли позволит кому-нибудь владеть собой.

Наступило лето. Мёртвый сезон для продажи недвижимости, так сказала риэлторша. «Ничего», – добавила она, как будто пытаюсь утешить, – «лето переждём, и уж осенью точно найдём покупателя».

Мне её не в чем упрекнуть. Два месяца она исправно приводила сюда потенциальных покупателей. Красочно расписывала преимущества квартиры и всего дома. Потенциальные покупатели, кажется, больше слушали не её болтовню, а тишину самого дома. Вслушивались и вскоре уходили. Теряли весь свой потенциал.

Бог с ними, я уже не тороплюсь. Однажды, после позднего показа квартиры, когда все уже ушли, я задержался ненадолго. Остановился посреди гостиной. Мне вдруг стало лень ехать домой. Жены моей там всё равно не было, она уехала в командировку. А я устал после работы и был разочарован неудачным показом – риэлторша столько надежд на него возлагала. Я перешёл в спальню, огляделся. Широкая кровать, тёмно-красные обои со старомодным узором, тёмного дерева шкафы по углам. И тишина. Здесь можно будет отлично выспаться, подумал я. Может быть, посидеть немного в кресле и почитать книгу перед сном. Так я и сделал. Правда, уже после десяти минут чтения глаза мои стали слипаться и я, оставив книгу в кресле, перебрался на кровать. Погасил свет, и темнота вкупе с тишиной захлестнули меня. Мгновение мною владела паника, которую, наверное, испытывает утопающий, но тут же она сменилась покоем, и я заснул.

Утром я выходил за дверь, поворачивал ключ в жёстком замке – и услышал шаги за спиной. По лестнице спускалась девушка. Она остановила на мне взгляд, назвала имя и отчество, в которых я не сразу узнал свою родственницу, и поинтересовалась её здоровьем. Я рассказал ей, что она умерла. Девушка смутилась, принесла соболезнования и сказала, что она соседка с верхнего этажа. Я тоже представился.

Казалось бы, на этом беседа должна была закончиться, иссякнуть. Но этого не произошло. Не помню темы разговора, не помню слов, которые мы употребляли. Всё это было неважно, я просто слушал её голос и старался от него не отставать, теряя при этом голову. Колодец лестничной клетки дробил наши голоса эхом, рассыпал их в разные стороны и снова сжимал их в переплетениях перил, а воздух, вечно холодный от каменных, словно в оспинах, ступеней, медленно насыщался теплотой нашего дыхания. Мы говорили и говорили на лестнице, затем мы продолжили говорить в кофейне в соседнем доме, а каких-то полчаса спустя мы вернулись в мою квартиру, легли в постель и только тут смогли замолчать.

Всё было так правильно.

Когда всё закончилось, я откинулся на подушку. Посмотрел на свет неопределённого времени суток, пробивающийся из-под тяжёлых штор. И вслушался в единственный живой звук, нарушающий гнетущую тишину дома – её дыхание рядом, в сумраке.

Мы встречались не чаще пары раз в неделю. После работы я приезжал к старому дому. Иногда мне нужно было подняться на три этажа вверх, чтобы позвонить в её дверь, а иногда она сама сидела на ступеньке, поджидая меня рядом с моей дверью. Мы никогда не заходили к ней. Нас влекла моя квартира, и мы врывались в неё, путаясь в одежде, ремнях и застёжках, и наполняли это старческое жилище бесстыдным наслаждением жизнью. А когда этот зов замолкал в нас, получив желаемое, она засыпала, лёжа на мне, а я, как и в первый наш день, слушал её дыхание.

Со временем квартира стала наполняться и другими звуками. Может, мы привлекли их своей нескромностью, а может (и это мне кажется более правдоподобным), просто мой слух утончился настолько, что стал различать все эти мелочи – шаркающие шаги соседа за стеной, свист чайника, детские крики во дворе, да таинственное поскрипывание дореволюционного паркета, объяснить которое можно было либо мышами, либо дыханием старого дома.

Моё отношение к квартире стало меняться. Потеряв ностальгию детских воспоминаний, она наполнилась другими эмоциями, потерять которые я боялся ещё больше. И я старался не думать о том, что рано или поздно квартиру нужно будет продать. Я уже больше месяца не звонил риэлторше, хотя уверял свою жену, что вынужден по несколько раз в неделю показывать квартиру возможным покупателям. Я гнал эту мысль от себя, когда вставал с кровати, накидывал на себя что-нибудь из одежды и шёл на кухню варить кофе. Если она приходила вслед за мной и обнимала меня сзади, мысль о продаже квартиры окончательно растворялась в моей голове. С кружкой кофе я усаживался в кресло-качалку, рядом с торшером, и лишь для виду брал с полки книгу – я знал, что она не удержится и сядет ко мне на колени. Она будет рассказывать, а я буду слушать её истории об этом старом доме, в котором она выросла. Всё здесь для неё было наполнено смыслом, и там, где я видел голые стены, она видела воспоминания, насыщенные измерениями, запахами, звуками и эмоциями. Она всегда с уважением говорила о доме, словно о живом существе. Она пыталась почувствовать его настроение, синхронизироваться с его существованием. Я смеялся над ней. Она даже говорила, что в доме живёт привидение – я смеялся ещё громче, сильнее прижимая её к себе на случай, если она вдруг обидится и попытается вырваться. Она и не думала обижаться, она продолжала рассказывать, что привидение это видела ни кто иная, как моя родственница. И именно в этой квартире. Надо было упомянуть это в объявлении о продаже, дурачился я. Глупый ты, шептала она, прижимаясь губами к моему уху, представь, что оно сейчас нас видит. Что они все, кто здесь есть, нас видят.

А я наслаждался нашим единением и наслаждался уютом, в котором оно происходило. И чёрт с ними, с осыпающимися стенами, старыми обоями и даже с привидением. Теперь квартира была ценна мне более важными вещами. И когда я возвращался к себе домой, в свою светлую и просторную квартиру в новом районе, к жене, чьи спящие очертания я угадывал под одеялом, осязаемое отсутствие этих вещей наваливалось на меня, и в первую очередь мне не хватало прикосновения этих губ, и их горячего шёпота мне в ухо.

Так заканчивалось лето.

3

Непрекращающийся шум. Я закрываю уши ладонями, зажимаю голову между колен. Всё равно слышу. Стены дрожат мелко, вибрируют. Может, от того, что невидимые насекомые прокладывают в них свои тайные ходы и снуют туда-сюда. И смотрят на меня. Я чувствую на себе взгляды. Когда я закрываю глаза, на меня накатывает странное ощущение – то ли тело моё расширяется и заполняет собой всё свободное пространство, то ли, наоборот, сама комната, скрипя лепниной и сминая ломкие обои, сжимается вокруг меня.

Шум в квартире нарастает. Всё находится в движении, не заметном глазу – стены, паркетные полы, стулья, шторы, даже ванна. Всё скрежещет, гудит, дрожью проходит через мой затылок. Вокруг меня жизнь – холодная и сухая, как извёстка на ощупь. Это уже не дыхание, теперь это больше похоже на пищеварение. Квартира пережёвывает и переваривает меня. И я этому рад.

Её больше нет. Теперь я один. Её соседка говорила мне что-то про несчастный случай, какая-то неисправная розетка... Какие-то глупости. Я не стал слушать дальше, я просто отпустил кнопку её звонка и спустился к себе. Как её могли увезти, в какой ещё морг? Нет, нет, этот дом ни за что бы её не отпустил. Просто он забрал её. Растворил её в себе.

В кладовке я нашёл молоток и гвозди. Взял с антресолей старые доски. Закрылся в спальне и заколотил двери изнутри. Мне нельзя уходить. Она где-то здесь, и только в этом адском шуме я могу расслышать её голос.

Я предлагал ей уехать вместе со мной. Я просил её бросить всё – эту жизнь, этот город, этот дом. И, конечно, бросить эту квартиру. Продать её невозможно, я был бы её вечным владельцем, но хотя бы не видеть её, кроме как в документах. Она говорила, что подумает. И с тоской оглядывалась вокруг, и видела старые стены вокруг себя – наверняка она видела много больше, чем мог разглядеть я. Чёрт его знает, что именно, но уже по одному её взгляду я понимал, что она никуда не уедет. Я обнимал её, словно пытаюсь стать с ней одним целым. Но тут же под пальцами мне мерещилась ледяная, чуть влажная штукатурка. И я уже знал, что проклятый дом запустил в неё свои метастазы.

Теперь я сижу один в спальне. Мне нужно сосредоточиться. Я смотрю на свои скрюченные пальцы, потом убираю их от лица. Успокойся. В этом шуме мерещится многое – и шорох омерзительных тварей в стенах, и вой соседей, и плач моей жены, и могучее, старческое дыхание старого дома. Нужно лишь прислушаться. Ещё чуть-чуть – и я услышу её голос.

И какое-то время спустя я слышу её. Глаза увлажняются, это слёзы счастья. Господи, я так испугался. Но теперь-то всё хорошо, правда? – шепчу я. Правда, отвечаешь ты. Я тихо смеюсь её голосу и спрашиваю – ты не замерзла? На дворе осень, сквозняк задувает в старые щели, мои пальцы дрожат от холода. Да, – отвечаешь ты, – мне холодно. Разожги огонь.

Канцелярский магазин Монпарнас

А началось всё с того, что в офисе закончилась бумага для принтера. Разумеется, Маша забыла заказать, она постоянно забывает. Потому что вечно хихикает над чем-то в своём телефоне. А мне срочно отчёт нужно было напечатать. Маша надулась, когда я на неё прикрикнул, и с ледяным выражением лица стала звонить, бумагу заказывать. Доставка только на завтра, сегодня все курьеры уже заняты. Ну и чёрт с тобой, думаю. Погуглил канцелярские магазины в округе – и точно, в четырёхстах метрах от офиса есть один. Не сетевой, как обычно. Называется «Монпарнас». Я накинул пальто и побежал. Так быстрее получится, бумага-то сегодня нужна.

Когда я уже вышел во двор, вдруг подумал – а что это я сам побежал? Надо было Машу отправить, а то несолидно получается. Жена на меня постоянно ругается – мол, не умею себя поставить. А потом я огляделся, вдохнул воздуха побольше и зашагал. Бог с ним, погода такая хорошая, можно и прогуляться. И даже пальто можно было не надевать.

Офис наш находится на Петроградке, в самом тихом её уголке. Небольшой трёхэтажный особняк, в котором в советское время размещалось какое-то учреждение – на фасаде ещё сохранилась вывеска, какое-то нагромождение из слов «лен», «пром», «снаб» и так далее – теперь он постепенно переходил в аренду малому и среднему бизнесу. Я и рад, что мы не обосновались в каком-нибудь серо-стеклянном бизнес-центре, там было бы тоскливо. Да и район мне нравится.

Петроградка в самом деле необычное место. Вроде бы всю жизнь в городе живу, везде бывал и всё знаю (по крайней мере, в центре), и только на Петроградке, в этом её лабиринте наткнёшься на неизвестную улочку. Где тут только ни гулял, и ребёнком, и студентом, и взрослым, солидным дяденькой, а всё равно это продолжает происходить. Вот и сейчас. Я вышел со двора на улицу и огляделся. Справа находится метро, а слева – неплохой ресторанчик. Я там обычно обедаю и слушаю громоханье составов из соседнего трамвайного парка. Эти направления я знаю. Но идти мне нужно не туда, а на север, обогнув офис. И я понял, что никогда там не был. Проложил маршрут на гугл-картах и пошёл. Канцелярский магазин «Монпарнас» – красивое название. Что-то волшебное в нём есть.

И погода на улице волшебная. После прохладного и пасмурного, типично питерского лета – вдруг такой мягкий сентябрь. Температура, конечно, не летняя. Зато бархатное солнце и чистое, точно блюдо из голубого фарфора, небо. Низкие облака не давят, дышится легко, и от этого даже самая потаённая тоска уходит. Выдыхается из лёгких и растворяется в ветерке. Жизнерадостная осень.

Шёл по тротуару, под зелёными ещё деревьями. Полы расстёгнутого пальто развеваются – не солидно, но красиво, чёрт подери! Прошёл пару перекрёстков. Светофоры тут не в ходу. Свернул направо на нужную улицу. Подошёл к дому. Сверился с картой в телефоне.

Канцелярского магазина не было. Дом был длинный, но я пробежался взглядом по всему первому этажу и не заметил ничего похожего. Я ожидал увидеть некое типичное царство канцелярии – белые стены и стенды, освещённые ядовитым светом, и консультанты в форменных фартуках и с форменными улыбками. Тут ничего подобного не было, даже издали было понятно. Я всё же решил пройтись вдоль дома, взглядеться в витрины. Вот закрытый ресторан (видимо, недавно прогорел), вот типичный дешёвый продуктовый магазин. А вот какая-то пыльная витрина...

Надо же. Действительно, на стекле облупившимися трафаретными буквами, чуть полукругом, было выведено – «Монпарнас». Кажется, когда безымянный мастер наносил эти буквы,

я только в детский сад пошёл. И с тех пор тут ничего не изменилось. Остальная витрина и входная дверь были в том же стиле. Как будто из прошлой жизни.

Дверь звякнула неплотно закреплённым стеклом, а над дверью, как я и ожидал, тускло прозвенел колокольчик. Я ступил со ступеньки на пожелтевший линолеум – на нём виднелись коричневые, точно опалённые огнём, пятна, а где-то он и вовсе был оборван, обнажая цементный пол. Нос наполнился застарелым канцелярским запахом – пыльная бумага, графитная стружка и немного клея «Момент», того, что уже давно не производится. Вдоль одной из стен тянулся прилавок из потемневшей ДСП со вставками из стекла. Этот прилавок, как и весь местный антураж, напомнили мне провинциальные универмаги, куда мы ездили с бабушкой, пока были на даче. В таких магазинах, тихих до торжественности, можно было купить всё, что угодно, от полотенец до резиновых сапог и примусов. И пока взрослые покупали всё это, дети собирались поглазеть на пластиковых солдатиков и картриджи для Денди, периодически протирая запотевающее от возбуждённого дыхания стекло.

Впрочем, в этом магазине, несмотря на ностальгическую провинциальность, продавались вполне ожидаемые канцтовары – ярких расцветок ручки, хорошие кохиноровские карандаши, аппетитные стиральные резинки и большой выбор детских пеналов с актуальными супергероями. В углу даже стоял отдельный шкафчик с ручками Паркер, хоть он выглядел здесь нелепым артефактом. А на полке у стены, среди тетрадей и рулонов свёрнутого ватмана я заметил пачку бумаги – даже той же марки, что у нас сегодня закончилась.

На звон колокольчика с небольшой задержкой вышла хозяйка – машинально всплыло именно это слово, уж больно уютный вид у неё был. Домашний свитер крупной вязки, болтающиеся на тесёмке очки и добродушная улыбка, хоть и не лишённая какого-то усталого чувства превосходства. Она походила на школьную учительницу, тоже из забытого времени, как и весь магазин.

– Добрый день, – приветствовала она меня, занимая место за прилавком, – что угодно?

– Здравствуйте, – кивнул я, – мне бы бумаги.

– Чистой?

– Чистой, – от неожиданности я протянул это слово, как будто проверяя его на прочность, и добавил: – Для принтера. Формат А4.

– Конечно, – ответила она и скрылась под прилавком. Там что-то стукнуло, потом донеслось:

– Сколько Вам?

– Две пачки.

– Разумеется.

Она показалась передо мной, ощутимо шмякнула две пачки бумаги на стеклянный прилавок. Я машинально испугался, не разобьётся ли он, но стекло выдержало.

– Что-нибудь ещё?

– Нет... Сможете товарный чек выписать? Мне для офиса.

– Само собой.

Она достала бланк – пожелтевшая, шероховатая бумага – и, надев очки, стала заполнять его, держа наготове синюю печать.

Получив передышку, я бессмысленно огляделся по сторонам и, не успев до конца сформулировать мысль, вдруг спросил:

– А какая ещё бывает бумага, кроме чистой? Грязная?

– Нет, – хозяйка мельком глянула на меня поверх очков, потом вернулась к бланку, – не грязная, конечно. Исписанная.

– Исписанная?.. А, в смысле, книги?

– Нет, ну что Вы, книгами мы не торгуем. Просто исписанная бумага.

– Кхм... – из вежливости я продолжал делать вид, что это самый обыкновенный разговор, – и что же, берут?

– Ещё как. Самый популярный товар у нас. Пожалуйста, Ваш товарный чек.

Скомкав, я засунул его в карман пальто.

– Простите... А можно посмотреть? Кажется, я не очень понимаю, что Вы имеете в виду.

– Конечно, секундочку, – женщина оглядела внутренности прилавка и присела, заметив то, что искала, – вот, спецзаказ. На днях должны забрать. Но можете аккуратно взглянуть.

На прилавок легла зелёная тетрадка, 18 листов. «Тетрадь для работ по русскому языку ученика ба класса» и так далее. Фамилия ученика была выведена неразборчиво, я так и представил натужно дышащего толстого шестиклассника, старательно водящего ручкой по обложке.

– Это что?

Я открыл тетрадь. Внутри тем же угловатым почерком были записаны упражнения по русскому – чередование гласных в корне слова, подлежащие и сказуемые, подчёркнутые, соответственно, одиночной и двойной чертой. Ну и конечно, окончания глаголов «т-ся-ться» – «этот урок Маша точно прогуляла», – мелькнула неуместная мысль.

Это была обычная тетрадь какого-то школьника, не отличника, но и не двоечника, судя по встречающимся то тут, то там ярко-красным, как будто до сих пор свежим, оценкам.

– Глупость какая-то, – сказал я, – кому это может быть нужно?

Хозяйка усмехнулась:

– Как видите, кому-то нужно.

Она убрала тетрадку обратно, а затем впервые посмотрела на меня сквозь очки.

– Может, и для Вас что-нибудь подберём.

Она ушла в подсобку, погромыхла там коробками и, вернувшись, протянула мне листок.

– Взгляните.

Это был немного мятый двойной листок в клетку, вырванный из тетради. Сверху значилось *Сочинение*, а ниже, в кривоватых кавычках – *«Как я провёл лето»*. В верхнем углу была написана фамилия ученика 5б класса, автора сочинения. Моя фамилия.

И сочинение тоже было моим. Не то чтобы я его помнил, но я моментально узнал свой неряшливый почерк, за который меня так ругала наша училка по русскому, Ольга Николаевна.

Я стал судорожно вчитываться в текст. Буквы скакали и наседали друг на друга в моих глазах, и из их мельтешения на меня вдруг пахнуло летом. Пряным сеном, в котором мы с пацанами прятались от дождя, тинной из реки, куски которой мы подцепляли палкой и бегали друг за другом, крича «Сифа, сифа!». За запахом пришли и другие ощущения. Скрип тарзанки на ветке. Стрётот куска картона в бешено крутящихся спицах велосипеда. Холод речной воды, когда вонзаешься в неё, спрыгнув с высокого моста. Уже усталое жужжание мухи, бьющейся в стекло солнечной веранды – я смотрю на неё и слышу, что бабушка плачет. «Бабуля, что случилось?», – испуганно и недоверчиво спрашиваю я, а бабушка отвечает: «По радио сказали, один очень хороший поэт умер, в Америке», а я смотрю на лето, наседающее со всех сторон на нашу дачу, и не понимаю, как можно умереть в такой замечательный день.

– Господи... Что это? Откуда это у Вас? – мой голос задрожал.

– Вот видите, – с пониманием смотрит на меня хозяйка, – будете брать?

– Я... Я не знаю... И у Вас ещё что-то есть?

– Конечно. У нас много бумаги. И можно найти всё что угодно.

– Подождите... А для чего Вам это? – я вдруг насторожился, – Вы что, кого-то шантажируете этим?

Хозяйка так искренне приснула, что мне стало неловко за себя.

– Да чем же? Школьными тетрадками?

Мысль о шантаже ненадолго вернула мне равновесие, но теперь, лишившись её, я снова был в пустоте и недоумении.

– Хорошо... Что у Вас ещё есть?

Она молча ушла в подсобку, провела там минут пять и по возвращении вручила мне ещё один лист бумаги. Судя по виду, когда-то он был смят в комок, и только недавно разглажен.

Пробежавшись по первым строкам, я густо покраснел. Разумеется, я знал, кто скомкал этот листок. Я начал писать это стихотворение, будучи влюблённым девятиклассником, и даже не смог его закончить. Отсутствие таланта было очевидным даже для меня, в том состоянии. Сейчас же мне было непонятно, как я посмел дойти до второго четверостишия. И руки пронзил рефлекс – опять скомкать и опять бросить в угол.

– Ну-ну, это Вы бросьте, – ласково разжала мои пальцы хозяйка, – не надо товар портить.

Кривые, дрожащие строчки, с расплывающимися пятнами – вызванными, скорее всего, романтическими слезами – в последний раз мелькнули перед глазами, оставив после себя трогательную нежность по отношению к тому одинокому и влюблённому человеку на холодных улицах. Одноклассница, в которую я был тайно влюблён, так и не получила моего послания.

– Интересно, – задумчиво произнёс я, – а ведь она тоже что-то писала?

– Все мы что-то пишем, – пожалала плечами хозяйка, и не дав мне ответить, добавила: – Раз уж Вы интересуетесь одноклассниками, кажется, там что-то мелькнуло... Секундочку.

Спустя несколько минут я держал в руках реферат по истории. В имени на первой странице я узнал своего одноклассника, Вадима. А через секунду вспомнил и сам реферат.

Он был написан не на двойных листочках, а на хорошей бумаге – я думаю, она бы подошла и для нашего принтера. Посвящён реферат был Ивану Грозному. И на первой странице, используемой как обложка, красовался яркий, мастерски написанный портрет царя. Вадим нарисовал его сам. А рядом с портретом красными чернилами была выведена оценка – единица. Кол.

Я вспомнил эту историю. Не так уж часто у нас ставили единицы. Двойки были больше распространены. А для единицы надо было совершить что-то из ряда вон выходящее. По мнению исторички, Вадим тогда совершил именно это. Она швырнула этот реферат ему на парту и громко, словно выступая на митинге, произнесла: «Бездарность!»

Бог его знает, что там было не так с этим рефератом. Вадим всегда был двоечником. И даже сейчас я не смог бы оценить его работу – потому что не мог наглядеться на нарисованного Ивана Грозного. Он был яркий и аляповатый, но в нём была жизнь. И изо всех своих жизненных сил он пытался отвернуться от этой единицы. Даже он понимал, что не заслуживает её.

Вадим прекрасно рисовал. Потом перестал. Уже очень давно его не видел. Говорили, дела у него не очень. На последней встрече выпускников промелькнуло некрасивое слово «спился».

«Надо бы его повидать», – подумал я, а вслух произнёс:

– Это я тоже возьму.

– Прекрасное решение, – кивнула хозяйка.

– Послушайте... Я не понимаю. Как это возможно?

Она вздохнула:

– Помните, как там у классика – рукописи не горят? Они действительно не горят. И никуда не пропадают. Бумага хранит в себе всё. В течение жизни мы все пишем что-то. Мы оставляем повсюду свои отпечатки на бумаге. Они изображают нас, какими мы были тогда. И при этом они живые, потому что всё ещё составляют часть нас. Когда мы пишем на бумаге, мы оставляем на ней свою душу. А душа не может исчезнуть, она ведь бессмертна. А вместе с ней бессмертна и бумага, на которой она хранится. Понимаете?

Я вернулся в офис. Отдал пачки бумаги Маше. Она невозмутимо загрузила бумагу в принтер. И я продолжил работу. Распечатал два экземпляра договора, каждый на двенадцати страницах. Два акта приёмки услуг. Согласие на обработку данных. Счёт-фактуру. Аналитический отчёт для директора на шести страницах. Ещё один договор, для другого клиента. И так далее, и так далее...

Вечером, уже дома, за ужином я показал своё школьное сочинение жене. Она рассмеялась и поцеловала меня.

– Откуда у тебя этот раритет?

– Да так... Нашёл.

Ночью, слушая дыхание спящей жены, я вдруг вспомнил, как писал ей письмо из армии. Тогда она была просто девушкой, которую я любил. В этот раз обошлось без поэзии, но я прекрасно помнил, что писал ей о своей любви, и довольно вдохновенно. К сожалению, письмо не дошло до неё. Затерялось где-то в недрах почтовой службы, сгнуло в пустоте. Но ведь где-то оно должно было сохраниться?

Пожалуй, завтра опять зайду в канцелярский магазин.

Бесполезные факты о жевательной резинке

Дорога шла через новые районы города – тёмные и безликие дома обступали её со всех сторон. Они были похожи на однообразные надгробия безымянных солдат, погибших на какой-то полузабытой войне. Стояла ночь. В некоторых окнах горел свет, но даже он был везде одинаков, будто каждое из окон подсвечивалось обычной голой лампочкой, свисающей с потолка на проводе. Шины шуршали по асфальту. Из динамиков доносились приглушенные звуки джаза, иногда прерываемые помехами – какая-то Богом забытая ретро-радиостанция, на которую он случайно наткнулся, крутя ручку настройки. Он подумал, что на ней наверняка работают одни привидения. Бесплотными пальцами берут с полки пластинку, сдувают с неё пыль и ставят на проигрыватель. Слушают и вспоминают времена, когда они ещё были живыми.

Среди унылой череды зданий показался ярко-освещённый оазис круглосуточной заправки. Оставалось ещё полбака, но свет манил слишком настойчиво. Он сбросил скорость, свернул на дорожку и остановился у колонки. Залил немного бензина и зашёл внутрь, где горел всё тот же яркий свет, который, казалось, просвечивал тебя насквозь. А от маниакальной стерильности окружающей обстановки и идеального порядка, в котором были расставлены бутылки и канистры с маслом, антифризом и средством для омывателя стёкол, человек, входящий сюда, чувствовал себя либо хирургом, либо его пациентом – в зависимости от характера и взгляда на жизнь.

За стойкой стояла девушка-кассирша. Молодая, симпатичная. Её заспанный взгляд придавал ей домашний вид. Он больше соответствовал завтраку на кухне поздним субботним утром, а не ночному нагромождению пластика и стекла.

Девушка улыбнулась (да-да, именно так, как улыбаются любимому человеку, завтракая на кухне поздним субботним утром!). Он улыбнулся в ответ.

– Доброй ночи.

– Здравствуйте. У Вас первая колонка? С Вас 350 рублей.

Он вытащил несколько мятых купюр из кармана.

Пауза.

– И вот эту жвачку, пожалуйста.

Хотя благодаря своей идее со жвачкой он выиграл несколько лишних секунд общения с живым человеком, время беспощадно уходило. А снаружи было слишком темно и холодно. Нужно было хоть немного живого тепла, как заочеченшему полярнику среди бесконечных торосов нужен глоток согревающего грога. Или не грога? Что там у сенбернаров во фляжках налито? Не важно.

Срочно что-нибудь сказать. Первое, что придёт в голову.

– Хотите знать бесполезный факт о жевательной резинке?

Девушка продолжала улыбаться, но уже несколько ошарашено. К подобным вопросам она не привыкла. Впервые за всё время работы здесь список FAQ, сложившийся в её голове, оказался бесполезен.

– Хочу.

– В пачке жевательной резинки ровно десять подушечек, – радостно выпалил он. И победно улыбнулся.

Наступила тишина, знакомая каждому, кто хоть раз в жизни рассказывал неудачный анекдот.

Он усугубил ситуацию, совершив главную ошибку человека, рассказавшего неудачный анекдот – принялся объяснять.

– Ну я же сказал, этот факт совершенно бесполезен.

Тепло окончательно ушло, его унесла снежная буря и растворила в полярной ночи.

Девушка кивнула.

Он молча направился к выходу. Автоматические двери разъехались, и он уже занес ногу, чтобы выйти в ледяной открытый космос.

– А Вы знаете, что в ней содержится фенилаланин? – вдруг спросила девушка.

– Что содержится?

– Фенилаланин.

– А что это такое?

– Это вещество, которое опасно для людей, больных фенилкетонурией.

– А это что такое?

– Не знаю. Просто так на всех пачках написано.

Девушка прыснула. И от этого на пластмассовых полках распустились зеленые, весенние листочки.

Он нерешительно пошёл обратно к кассе.

– Ну поскольку я ей не болею, насколько мне известно, для меня это тоже бесполезный факт.

Ему в голову пришла неуместная мысль, что если эту фразу он бы не произнёс, а набрал на клавиатуре, после неё стоило бы поставить много-много подмигивающих смайликов.

А весна тем временем сменилась жарким летом, безмятежным и счастливым, как в детстве, с долгой поездкой на велосипеде по бескрайнему зелёному полю, простирающимся до горизонта, а за горизонтом уже ждала маленькая, юркая речушка с песчаным дном, в которую так хорошо, с визгом и брызгами, сигануть с тарзанки. И в небе светило палящее солнце, которое обжигало его кожу, преломляясь в маленьких капельках воды. И свежий ветерок продолжал теребить его волосы, даже тогда, когда он уже сидел в машине, держа в руке кусочек бумаги с её именем и номером телефона.

Он завёл мотор и кинул в рот пару подушечек жвачки.

В пачке осталось 8 штук.

Ночь близилась к своему завершению. Она бледнела, оседала на асфальте и по капле стекала в канализационные люки.

Пора было ехать в сторону дома. По правде сказать, он никогда не считал место, где он живёт, домом – в том смысле, который вкладывают в это слово большинство людей. Для них дом – это очаг, источник света и тепла, который интуитивно чувствуешь и к которому тянешься ещё до того, как тот появляется на горизонте. Он же не ощущал тепла в этих двух комнатах и маленькой, будто из игрушечного домика, кухни. Они были также холодны, как бетонные поребрики вдоль улицы и металлические столбы с неработающими фонарями. Он иногда думал, что если вдруг лизнет обои в своей комнате, то обязательно примерзнёт к ним языком, как к качелям зимой. И дело было вовсе не в центральном отоплении.

С той квартирой у него не было связано никаких воспоминаний – родился он не здесь, детство прошло тоже в другом месте, жил здесь один, да и появлялся довольно редко. Скорее уж он свою машину считал домом, но точно не квартиру.

И всё-таки это было неплохое место, чтобы укрыться от дождя, приготовить скромный ужин и прикорнуть на шербагом диване.

Он въехал во двор, покружил по нему в поисках свободного места (утро было слишком ранним, так что на работу пока никто не спешил) и наконец втиснулся в узкий проём между разлагающимся «Москвичом» и трансформаторной будкой. Он заглушил двигатель, стиснул на прощание руль, кинул в рот ещё две подушечки жвачки и выбрался из машины.

В пачке осталось 6 штук.

Он открыл дверь в парадную и скрылся в тёмном проёме. Распахнутая дверь стала медленно возвращаться в исходное положение, влекомая доводчиком, и в тот самый момент, когда щель составляла всего пару сантиметров, из глубины дома донёсся приглушенный хрип

и затем звук падения тела на бетонный пол. К этому времени дверь была закрыта и уже почти не пропускала звуков, однако, если бы некий случайный прохожий приоткрыл её и внимательно прислушался, то услышал бы звук, обычно возникающий, когда кто-то в спешке роется по карманам лежащего человека. Впрочем, случайному прохожему повезло, что он не стал подслушивать у двери, поскольку меньше чем через минуту она резко распахнулась, и на улицу выскочил мужчина. Он огляделся по сторонам и, убедившись, что поблизости никого нет, торопливо зашагал в сторону проспекта. Руки он держал в карманах спортивных штанов. На запястье правой болтался полиэтиленовый пакет, в который, как опять же будет установлено позднее, и перекочевали немногочисленные предметы из чужих карманов: дистрофичный бумажник, паспорт в потёрто обложке, пачка Pall Mall, брелок с зелёным камешком и надорванная упаковка жевательной резинки.

Шагая вдоль проспекта, мужчина выудил последнюю из пакета, вытряхнул из неё сразу три подушечки и положил их в рот. И умиротворённо улыбнулся. Эйфорию прервал ранний автобус, подъезжающий к остановке на той стороне. Поддавшись загадочному рефлексу, который иногда срабатывает в каждом из нас, он дёрнулся и выскочил на асфальт.

Там его встретил визг тормозов, а затем удар, от которого хрустнула нога, а его самого перевернуло в воздухе и ударило об землю, после чего раздался ещё один хруст – на этот раз шеи.

В пачке осталось 3 штуки.

От удара её выбило из сжатого кулака, она подлетела в воздух и упала на дорогу в нескольких метрах от тела.

Девушка-кассирша, только что закончившая свою смену, ещё долго сидела в машине, вцепившись в руль и с ужасом глядя на тело сквозь трещины на лобовом стекле. Наконец она догадалась достать телефон и дрожащими пальцами набрала телефон скорой помощи.

В Эссене

Вы бывали в Эссене?

Город Эссен располагается на западе Германии. Вместе с Дортмундом, Оберхаузенем, Дуйсбургом, Гельзенкирхеном и прочими городами он образует одну из крупнейших агломераций в Европе, известную как Рурская область или Рурштадт. Её население составляет более 5 миллионов жителей.

Наверное, так принято говорить.

Когда-то здесь находилось много шахт, в которых добывали уголь и руду. А на поверхности располагались многочисленные заводы, которые использовали добытые уголь и руду. Но в двадцатом веке они закончились. Шахтёры вылезли из своих шахт, встретились с рабочими из заводов, и поняли, что все вместе они остались без работы. Начался упадок.

Со временем каждый из городов справился с упадком по-своему. Где-то открылись университеты, где-то – музеи современного искусства. А в Эссене построили крупный выставочный центр Messe Essen. Иногда кажется, что весь город живёт за счёт выставок, которые здесь проходят.

Я приехал в Эссен, чтобы принять участие в выставке Security Essen. Это одна из крупнейших выставок по безопасности в Европе. А может, и в мире. Она проходит раз в два года. Мы выставаем здесь нашу продукцию. Я занимаюсь продажами датчиков контроля периметра в Европу. Хотя моя начальница по маркетингу говорит, что я плохо этим занимаюсь. Иногда, когда у неё плохое настроение.

А мне кажется, что клиентов хватает. Бывает и хуже.

В Эссене нет аэропорта. Сначала я прилетел во Франкфурт, и, не выходя из аэропорта, просто в другом терминале, пересел на поезд и доехал до Эссена. Поезд был красивый и быстрый, но мне не понравилось в нём ехать. Во-первых, я сидел спиной по направлению движения, а во-вторых, в окно ничего не было видно. Сначала я думал, что мы едем в туннеле, а потом понял, что просто наступила ночь.

На вокзале Эссена я пересел на метротрам – это как обычные трамваи, только ходят под землёй. Тут из окна тоже ничего не было видно, разумеется. Я уже очень хотел спать, поэтому заснул сразу, как только упал на кровать в гостиничном номере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.